

Реорганизация мировой валютно-финансовой системы в контексте стабилизации глобальной экономики

Кузнецов Алексей Владимирович

доктор экономических наук, старший научный сотрудник,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

Аннотация. Неолиберальная модель долгового роста обусловила неравновесность и неустойчивость процессов финансовой глобализации. Цель статьи – обобщить современные проблемы развития глобальной экономики и определить направления реорганизации мировой валютно-финансовой системы для стабилизации международных экономических и финансовых отношений. Обсуждаются особенности смены глобальной экономической парадигмы в условиях противостояния между «старыми» и «новыми» лидерами глобализации. На основе синтеза подходов в отношении динамики глобального монетарного регулирования и регулирования национальных денежных систем разработаны четыре сценария долгосрочной реорганизации мировой валютно-финансовой системы. Сделан вывод, что перспективы создания альтернативной модели глобального развития в условиях формирования новой экономической парадигмы зависят от успеха региональной валютно-финансовой интеграции.

Ключевые слова: мировая валютно-финансовая система; глобальная экономика; системный кризис; новая экономическая парадигма; устойчивое развитие; финтех; сценарии; регионализация

JEL codes: F01, F29, F23, F39

Для цитирования: Кузнецов, А.В. Реорганизация мировой валютно-финансовой системы в контексте стабилизации глобальной экономики / А.В. Кузнецов. - DOI 10.52957/22213260_2022_8_74. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №8. - С.74-83. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_8_74

Введение

Развитие современной глобальной экономики ассоциируется с такими понятиями, как «новая нормальность» и «новая ненормальность», которые характеризуются резкими спадами и восстановлениями экономического роста, непостоянством на рынках занятости, чрезмерным увеличением долговой нагрузки, диспропорциями мировой торговли, хаотичным перемещением значительных и дестабилизирующих потоков капитала, неуверенностью инвесторов, которые при исторически низких процентных ставках воздерживаются от значительных капиталовложений в производственные фонды, предпочитая инвестиции в виртуальные активы.

По мнению профессора экономики Массачусетского технологического института П. Темина и профессора экономики Оксфордского университета Д. Вайнса, распад мировой экономической системы связан с утратой США способности выступать в качестве дирижера глобального экономического сотрудничества [1, с. 38-39].

Старший научный сотрудник Института мировой политики им. Дж. Джексона и Школы менеджмента Йельского университета С. Роуч видит одну из главных проблем несбалансированности глобального развития в деструктивной созависимости США и Китая, которые, отказываясь удовлетворять самостоятельно собственные экономические проблемы, поставили воспроизводство глобальных дисбалансов на постоянную основу [2, с. 17].

В свою очередь глава экономических исследований крупнейшей британской финансовой группы HSBC М. Кинг считает, что кризис экономической и финансовой глобализации связан с подъемом стран с переходной экономикой, который, обеспечив более высокие доходы в глобальном

плане, привел к большей экономической нестабильности, неравенству доходов и беспорядкам на финансовых рынках, истощив ресурсы, на которых держится процветание Запада [3, с. XVIII-XIX].

Таким образом, хотя мнения ведущих западных экономистов расходятся в определении причин глобального системного кризиса, они едины в одном – его непреходящей сущности.

Подчеркнем, что пандемия COVID-19 в очередной раз подтвердила неэффективность неолиберальной модели развития, основанной на свободной конкуренции и открытых рынках, и утрату контроля над правилами игры со стороны международных организаций в условиях нерегулируемой активности глобальных корпораций.

Формированию глобальных дисбалансов в значительной степени способствовало несоизмеримое увеличение активов транснациональных компаний (ТНК), не регулируемых на глобальном уровне. Так, в период 1990–2019 гг. размер мирового ВВП возрос с 24 трлн долл. до 87 трлн долл., а размер активов иностранных филиалов ТНК увеличился с 6 трлн долл. до 112 трлн долл. Следовательно, темпы прироста мирового ВВП в 6,5 раз отставали от темпов прироста активов иностранных филиалов ТНК [4, р. 22].

На современном этапе глобализации ТНК и транснациональные банки (ТНБ) напрямую конкурируют с государствами (интеграционными объединениями стран) за доступ к глобальным ресурсам. Сегодня капитализация крупнейших ТНК сопоставима по размеру с экономиками ведущих стран мира. В свою очередь активы некоторых отдельных ТНБ уже превышают совокупный ВВП крупнейших региональных блоков развивающихся стран [5, с. 194–196].

Для национальных государств разрастание транснационального капитала представляет значительные суверенные риски. По сути, в рамках глобализации транснациональный капитал повсеместно вытесняет государство из всех сфер хозяйственной деятельности.

Итак, глобальные дисбалансы – это следствие институциональных провалов в организации международных валютно-финансовых отношений [6]. В данной связи возрастает актуальность исследования направлений реорганизации мировой валютно-финансовой системы в контексте стабилизации глобальной экономики и мировых финансов.

Смена глобальной парадигмы

Разбалансировка мировой экономической системы, вызванная коронакризисом, в очередной раз доказала, что дальнейшее воспроизводство неолиберальной модели долгового роста, основанной на кредитных деньгах, влечет за собой едва ли преодолимые последствия для глобального развития, что выражается в его возрастающей кризисогенности, нестабильности и несбалансированности, увеличении экономического неравенства, волатильности финансовых потоков, чрезмерном накоплении долговых обязательств, ослаблении эффективности действий регуляторов.

Несмотря на многочисленные усилия, предпринимаемые со стороны правительств США и других развитых стран, вышеуказанные проблемы не разрешаются ни мерами неолиберальной политики – снижение налогов, расширение линейки финансовых инструментов, – ни неокейнсианскими методами регулирования экономики – через программы количественного смягчения и увеличение социальных расходов.

Кризис глобальной экономики сопровождается увеличением доли развивающихся стран в мировой торговле, инвестициях и ВВП. Растущее влияние развивающихся рынков способствует формированию полицентризма. Вместе с тем в настоящее время валюты крупных развивающихся стран играют гораздо меньшую роль в мировой валютно-финансовой системе, чем предполагает их экономический размер: доминирующие позиции в международных резервах, инвестициях, кредитах и платежах по-прежнему сохраняются за долларом США [7, с. 88-89].

Таким образом, разбалансировка глобальной экономики обуславливает объективную необходимость реорганизации мировой валютно-финансовой системы в направлении полицентризма и регионализации.

Как доказал в своей работе британский экономист Р. Коуз [8], развитие экономики невозможно

без постоянного снижения транзакционных издержек. Исторически снижение транзакционных издержек обеспечивалось на глобальном уровне посредством модернизации технологического базиса общественного развития и осуществления соответствующих изменений в финансовой сфере.

Однако каждый раз при переходе на новые технологии наибольшие выгоды получали США и Великобритания, которые в рамках очередного технологического уклада посредством модернизации господствующей экономической доктрины и создания нового международного стандарта в денежной сфере сохраняли свои ведущие позиции в мировых финансах и влияние в глобальной экономике [9, с. 42-61]. В настоящее время наблюдается очередная попытка англосаксонских стран-лидеров осуществить реформирование модели глобальной экономики таким образом, чтобы сохранить над ней контроль.

На современном этапе перестройка глобальной экономики на новые технологические рельсы осуществляется через концепцию устойчивого развития, основанную на широкомасштабном внедрении углеродно-нейтрального производства энергии. Для реализации данных намерений на саммите Большой семерки, проходившем в июне 2021 г. в британском Корнуолле, лидеры наиболее развитых стран заявили о необходимости смены господствующей неолиберальной парадигмы, известной как Вашингтонский консенсус. Этот термин появился в 1989 г. для описания комплекса политических мер, проводимых в сфере фискальной, налоговой и торговой политики под эгидой МВФ и Всемирного банка. По сути, Вашингтонский консенсус стал манифестом финансовой глобализации. На протяжении более трех десятилетий он определял правила игры для глобальной экономики, включая минимизацию роли государства, дерегулирование, приватизацию и либерализацию глобальных рынков.

Старый консенсус оказался неспособным противодействовать экономическим, экологическим и эпидемиологическим потрясениям. В Корнуолле было предложено радикальным образом переориентировать традиционное общественное представление об экономическом развитии, измеряемом по таким показателям, как рост ВВП, валовой добавленной стоимости и финансовой отдачи, и в будущем оценивать экономические успехи в зависимости от степени достижения общих целей устойчивого развития ООН.

По взаимному согласию высоких сторон-участниц саммита, отныне одним из условий получения грантов и инвестиций от государства и многосторонних межправительственных организаций должна стать быстрая декарбонизация экономики. Правительствам рекомендовано перейти от политики вмешательства в деятельность рынка по факту нанесения экономического ущерба к заблаговременному предупреждению рисков и потрясений в экономике путем активного формирования рынков в соответствии с требованиями зеленой экономики [10].

Теперь проблему экономического роста предлагается решать через внедрение в деятельность компаний императива устойчивых финансов, предполагающего осуществление так называемого ответственного финансирования с учетом существующих экологических, социальных и управленческих проблем (ESG). Механизмом реализации концепции устойчивого развития выступает выпуск компаниями зеленых и социальных облигаций с целью финансирования экологических и социальных проектов [11].

Между тем воплощение доктрины углеродно-нейтральной экономики значительно осложняется геополитической ситуацией, связанной с втягиванием России в вооруженный конфликт на Украине, который привел к резкому росту цен на ископаемое топливо, что повысило привлекательность его продажи для компаний, готовых извлекать прибыли, пренебрегая следованием принципам ESG. Дальнейшее напряжение геополитической ситуации может привести к новым ограничениям международной торгово-инвестиционной активности, углублению противостояния между Западом и Незападом, регионализации производственных и торговых цепочек, росту финансовой нестабильности, связанной с раскручиванием инфляционных процессов, обусловленных монетарными и немонетарными факторами, а также углублению проблем цифровизации мировой экономики при

переходе на новые технологии.

Примечательно, что с возникновением мобильных платежных цифровых платформ в финансовую систему было интегрировано более миллиарда новых пользователей за последние десять лет, которые до этого не имели собственных банковских счетов. Соответствующее увеличение прибылей обострило конкуренцию между высокотехнологическими компаниями США и КНР. Дальнейшее противостояние двух ведущих экономик мира в сфере цифровых технологий (в том числе с использованием кибероружия) может привести к запрету использования платформ социальных сетей, международной торговли полупроводниками и технологиями 5G, приложениями систем безопасности с использованием Больших данных и прочее. Подобные перспективы дали повод экспертам МВФ для обсуждения возможности подписания очередного многостороннего соглашения по регулированию цифровых технологий на принципе открытых рынков [12].

Характерно, что США и Великобритания выступают лидерами на мировом рынке финансовых технологий. Великобритания является ведущим мировым центром FinTech с постоянно обновляющейся экосистемой и огромным международным кадровым резервом, рассредоточенным по всей стране. Благодаря растущему числу финтех-фирм, экспортирующим свою продукцию практически во все страны мира, Великобритания устанавливает мировые стандарты применения технологий и инноваций в сфере финансовых услуг [13]. После выхода Великобритании из ЕС и избрания президентом США Джо Байдена для Лондона и Нью-Йорка, как крупнейших глобальных финансовых центров, открылись новые возможности сотрудничества в области применения и глобального продвижения цифровых финансовых технологий [14]. Однако, в текущих геополитических условиях вопрос методов, каналов и механизмов реализации этих планов остается открытым.

Реорганизация мировой валютно-финансовой системы

Исторически промышленные революции сопровождались изменениями мирового валютного порядка. Следовательно, глубина цифровой трансформации мировой экономики в значительной степени зависит от реорганизации действующего стандарта мировой валютно-финансовой системы (МВФС). В предыдущих работах мы уже исследовали потенциальные направления реорганизации МВФС [15; 16; 17]. Проанализируем эти направления с учетом новых вызовов и возможностей.

Следует подчеркнуть, что реорганизация МВФС обусловлена доминированием тех или иных тенденций в развитии глобальной экономики. С одной стороны, она зависит от усиления (ослабления) глобального монетарного регулирования, а с другой стороны – от господствующих в обществе (элитах) настроений в пользу централизации или децентрализации национальных денежных систем. На основе синтеза подходов в отношении динамики глобального монетарного регулирования и регулирования национальных денежных систем можно выделить четыре долгосрочных сценария: мировые деньги, суверенные деньги, цифровые деньги и региональные деньги.

Первый сценарий – «мировые деньги» по сути возвращает к первоначальным идеям Дж. М. Кейнса о создании наднациональной денежной единицы, эмиссия которой не связана с юрисдикцией какого-либо одного национального центрального банка. При этом страны частично отказываются от суверенной эмиссионной монополии и передают полномочия по выпуску такой наднациональной денежной единицы на глобальный уровень, т.е. происходит децентрализация национальных денежных систем.

Второй сценарий – «суверенные деньги» восходит к идеям английского ученого, лауреата Нобелевской премии по химии Ф. Содди, который предлагал передать государству исключительное право на создание новых денег путем отделения платежных систем от кредитной деятельности банков. Данный сценарий в случае его гипотетической реализации предполагает ужесточение суверенного централизованного контроля над денежным предложением при одновременном усилении глобального монетарного регулирования.

Третий сценарий – «цифровые деньги» предполагает широкое использование различных форм

негосударственных необеспеченных или обеспеченных денежных единиц, эмитируемых частными институциональными субъектами. Этот сценарий созвучен с идеями другого нобелевского лауреата – Ф. фон Хайека – который выступал за денационализацию денег и устранение государства от денежной эмиссии и контроля над банковской системой. Данный сценарий предполагает как ослабление глобального монетарного регулирования, так и децентрализацию национальных денежных систем.

Четвертый сценарий – «региональные деньги» связан с регионализацией денежного обращения в форме создания валютных союзов, блоков и зон. С одной стороны, в данном сценарии реализуется идея ослабления глобального контроля над денежным предложением. С другой стороны, он означает большую централизацию национальных денежных систем, связанную с необходимостью проведения в региональных валютно-финансовых объединениях унифицированной монетарной политики и делегирования полномочий по проведению денежно-кредитной политики на региональный уровень. Этот сценарий в определенном смысле является гибридом, поскольку в нем могут применяться технологии, характерные для функционирования трех остальных сценариев, например, клиринговый принцип расчетов, обеспеченность денег или использование технологии распределенного реестра.

Рассмотрим каждый сценарий более подробно.

Итак, первый сценарий – «мировые деньги». Данный сценарий основан на внесении существенных изменений в роль и функции МВФ.

Во-первых, предполагается расширение полномочий МВФ до статуса мирового центрального банка для обеспечения его независимости от взносов стран-членов. При этом МВФ как гарант системы должен быть наделен реальными регуляторными полномочиями, чтобы иметь возможность контролировать одинаковое соблюдение правил всеми странами для сглаживания существующих на национальном уровне противоречий и различий структурного характера.

Во-вторых, предусматривается существенное увеличение объема эмиссии эмитируемой МВФ международной ликвидности – специальных прав заимствования (СПЗ) [18]. СПЗ должны быть трансформированы в реальную институциональную основу МВФС, т. е. наднациональный эталон стоимости с тем, чтобы служить базой для сравнения покупательной способности валют. Для этого стоимость СПЗ не должна зависеть от стоимости валют, входящих в его корзину.

В-третьих, для урегулирования платежных дисбалансов между членами МВФ должно быть подписано специальное соглашения о симметричном распределении прав и обязанностей между странами-должниками и странами-кредиторами.

В-четвертых, необходимо обязать все страны-члены МВФ произвести фиксацию реальных (а не номинальных) валютных курсов с тем, чтобы больше не приходилось делать выбор между инфляцией и/или безработицей (как это было в Бреттон-Вудской системе).

В-пятых, необходимо обеспечить ликвидность СПЗ таким образом, чтобы субъекты частного и публичного права могли деноминировать в них свои долговые обязательства.

Учитывая чрезвычайную сложность принятия всех этих условий, в первую очередь эмитентами действующих резервных валют, и достижение конвергенции реальных валютных курсов на глобальном уровне, вероятность реализации этого сценария в обозримом будущем представляется крайне низкой. Тем не менее, как свидетельствует очередная масштабная эмиссия СПЗ, проведенная в августе 2021 г., страны не отказываются от СПЗ как резервного актива. Таким образом, СПЗ продолжают играть роль альтернативы доллару как мировой валюте и наряду с МВФ являются ключевым потенциальным элементом усиления глобального монетарного регулирования на базе создания системы наднациональных денег.

Второй сценарий – «суверенные деньги». Этот сценарий также предусматривает усиление глобального монетарного регулирования через МВФ и такие органы наднационального регулирования, как Банк международных расчетов (координирующий политику центральных банков) и Совет по финансовой стабильности (осуществляющий внедрение наднациональных кодексов и стандартов в регулирование финансовых рынков), но уже посредством ужесточения эмиссионной монополии

национальных центральных банков и контроля над банковской системой.

Технически идея суверенных денег заключается в том, чтобы распространить исключительное право на создание денег, закрепленное во многих государствах в конституционном порядке за центральными банками, также на балансы коммерческих банков, что лишит последние возможности создания денег за счет депозитов до востребования и срочных банковских депозитов.

Деньги, выпущенные центральным банком, являются беспроцентными, обеспеченными бессрочными государственными долговыми обязательствами, и сразу поступают в государственную казну. При этом прибыль от создания денег в форме сеньоража распределяется в пользу общества.

В системе суверенных денег счета коммерческих банков в центральном банке, на которых они хранят свои обязательные и избыточные резервы для урегулирования расчетов с другими банками и с правительством, заменяются счетом текущих операций и счетом поступлений от инвестиций. На счете текущих операций банк или платежное учреждение держат свои собственные суверенные деньги, включающие нераспределенный доход, доходы от акционерного капитала, доходы от кредитных операций или предоставления платежных услуг. С этого счета также осуществляется выплата заработной платы, уплата налогов, платежи поставщикам и другие платежи. На этом счете хранятся «собственные деньги» банка, полученные в результате его деятельности. Деньги на этом счете принадлежат банку, а счет учитывается как актив банка и пассив центрального банка. По сути, речь идет о системе 100%-го резервирования (как при золотом стандарте).

Адвокаты системы суверенных денег видят в ней следующие преимущества.

Во-первых, связывание всей денежной массы на балансе центрального банка устраняет из экономики ключевой фактор нестабильности, обусловленный проциклическим поведением банков, которые увеличивают объем кредитования в периоды экономического подъема и резко сокращают его во время спада. Во-вторых, при условном 100%-ном резервировании повышается надежность и защищенность банков от набегов вкладчиков, что предотвращает их банкротства. В-третьих, через контроль над созданием денежной массы правительства получают возможность финансировать свои расходы по нулевой процентной ставке, не прибегая к дорогостоящим займам, что приводит к резкому снижению уровня государственного долга. В-четвертых, упразднение традиционных кредитных денег ведет к снижению совокупного размера частного долга. Последнее приводит к более справедливому распределению доходов в обществе за счет понижения доходов банковской системы.

Реализация данного сценария также представляется маловероятной, учитывая стержневую роль банковской системы в современной рыночной экономике и возможности представителей крупнейших транснациональных банковских конгломератов лоббировать свои интересы в национальных парламентах. Тем не менее, этот сценарий нельзя полностью списывать со счетов, в частности, по причине роста значимости небанковских финансовых учреждений, а также популяризации различных вариантов концепции суверенных денег всемирно признанными специалистами, включая бывшего управляющего Банка Англии М. Кинга и действующего вице-президента Европейского центрального банка В. Констанцио [19].

Третий сценарий – «цифровые деньги». В данном сценарии речь идет о создании многочисленных форм новых денег, представляющих альтернативу доллару как мировой валюте. Эти новые формы денег существуют наряду с национальными денежными единицами, как подконтрольными финансовым регуляторам, например, цифровые валюты центральных банков, так и неподконтрольными, например, стейблкоины или биткоины.

Активное внедрение и популяризация криптовалют связана не только с появлением новых технологий (таких, как распределенный реестр), но главным образом с необходимостью устранения главного источника глобальных дисбалансов – доллара США, производство которого вышло из-под контроля в результате ничем не ограниченного наращивания долговых обязательств американского казначейства как основного резервного актива. В случае очередного масштабного глобального финансового кризиса вместо доллароцентристской мировой валютно-финансовой системы может

возникнуть множество разобщенных и конкурирующих друг с другом кибернетических финансовых систем, основу которых составят Большие данные, уже получившие название новой «валюты» цифрового мира. Реализация этого сценария означает переход контроля над международными финансовыми потоками к частным высокотехнологическим монополиям, главным образом американского происхождения, учитывая, что американские компании являются крупнейшими провайдерами Больших данных (включая социальные сети). Такое развитие событий сведет на нет межправительственные договоренности, достигнутые на базе МВФ и других международных финансовых организаций, значительная доля финансирования в которых принадлежит США (до сих пор эти организации так или иначе были включены в процесс продвижения доллара США как ключевой валюты международных резервов, кредитов, расчетов и инвестиций). Следовательно, возникновение повышенного интереса центральных банков к эмиссии собственных цифровых валют (ЦВЦБ) следует рассматривать как стремление минимизировать риски децентрализации и денационализации существующих денежных систем [20, с. 6-7].

Вероятность реализации данного сценария является более высокой, чем двух предыдущих. Однако, следует учитывать, что обращение криптовалют и цифровых валют центральных банков связано с огромными издержками.

Во-первых, это системные риски использования криптовалют, к которым возможно отнести следующие: снижение потребительского спроса на национальные валюты; выход национальных денежных потоков за рамки национальной системы регулирования и налогообложения; несовместимость традиционных форм денег с инновационными финансовыми технологиями; сбои в функционировании платежных систем, вызванные ограниченными объемами и высокой стоимостью добычи / производства криптовалют; злоупотребление персональными данными; кибератаки с использованием вирусных программ; уход от международных санкций [21].

Во-вторых, это системные риски выпуска ЦВЦБ, к которым, в частности, относят: недостаточную производительность и масштабируемость технологии распределенного реестра, отсутствие принципиальных преимуществ перед централизованной эмиссией, невозможность блокчейна в случае длительных отключений электроэнергии обеспечить устойчивость, сопоставимую с наличными деньгами, риски подрыва конфиденциальности, финансовой дестабилизации и повышения стоимости кредита, резкое перемещение депозитных средств в кошельки в цифровых валютах со счетов кредитных организаций, сложности нормативно-правового регулирования, дублирование возможностей действующих систем мобильных платежей, завоевавших широкую популярность среди пользователей, конкуренция с традиционными валютами на международном уровне, проблемы технологической совместимости национальных стандартов и протоколов [22].

Наконец, четвертый сценарий – «региональные деньги», связан с переходом стран к преимущественному использованию национальных валют или коллективно созданных расчетно-платежных и инвестиционных средств в рамках региональных экономических объединений с созданием независимых друг от друга финансово-банковских систем и рынков капитала. При этом участники таких объединений в своей повседневной экономической деятельности последовательно отказываются от использования валют третьих стран. Данный сценарий не исключает применения отдельных элементов и технологий из остальных трех сценариев, например, СДР, контроля денежной массы или технологий клиринга и распределенного реестра.

По нашему мнению, наиболее вероятным из четырех рассмотренных сценариев является сценарий «региональные деньги», исходя, по крайней мере, из трех факторов. Во-первых, усиления роли наиболее динамичных развивающихся стран Востока в мировой экономике и мировых финансах и принятия развитыми странами Запада (например, на уровне Группы 20) необходимости реализации скоординированной повестки дня в преодолении проблемы кризисогенных глобальных дисбалансов. Во-вторых, неспособности США сохранять лидерство в глобальной экономике, о чем, в частности, свидетельствует выход США из ряда международных организаций и соглашений,

сокращение контингента американских военных баз, активная протекционистская и санкционная политика Белого дома. Данные обстоятельства вероятно приведут к снижению спроса на доллар США в неамериканских регионах. В-третьих, потенциального наращивания международного сотрудничества в рамках вновь созданных международных финансовых институтов, в которых ключевую роль играют страны БРИКС (Новый банк развития БРИКС, пул условных валютных резервов БРИКС, АБИИ), что будет способствовать интернационализации национальных валют стран БРИКС, а также созданию коллективных платежно-расчетных единиц.

Заключение

В настоящее время основным противоречием глобальной экономики является воспроизводство глобальных дисбалансов в условиях ослабления способности глобальных регуляторов. Инициативы коллективного Запада по изменению действующей системы глобального регулирования направлены на закрепление ведущих позиций в цифровой экономике и цифровых финансах. Инструментами достижения этой цели может стать создание совместными усилиями постиндустриальных западных стран, в первую очередь, США и Великобритании, новой модели глобального сотрудничества в области устойчивых финансов и регулирования финансовых услуг – некоего аналога Бреттон-Вудса в цифровом формате. Помимо извлечения ощутимых финансовых выгод, внедрение такой модели позволит англосаксонским лидерам финансовой глобализации оказывать непосредственное воздействие на реструктуризацию мирового банковского и фондового рынков в условиях грядущих цифровых трансформаций мировой экономики при переходе к углеродно-нейтральной парадигме устойчивых финансов.

Однако, реализация столь амбициозных планов Лондона и Вашингтона осложняется геополитической ситуацией, вызванной вооруженным конфликтом на Украине, открытыми вопросами регулирования глобальных корпораций, мотивации перехода бизнеса на углеродно-нейтральные технологии, а также возрастающими финансовыми возможностями развивающихся рынков и усилением их роли в международных финансовых институтах. От согласованности действий и успеха регионализации национальных валютно-финансовых систем развивающихся стран зависит, насколько новые финансовые центры (в первую очередь группа стран БРИКС) смогут создать концептуальную альтернативу англосаксонскому доминированию в глобальной экономике в условиях формирования новой экономической парадигмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Темин П., Вайнс Д. Экономика без лидера. Почему рассыпалась мировая экономическая система и как ее собрать. Пер. с англ. О. Левченко; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
2. Роуч С. Несбалансированные. Созависимость Америки и Китая / пер. с англ. Ю. Каптуревско-го; науч. ред. перевода Т.А. Дробышевская. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
3. Кинг С.Д. Запад теряет контроль. Три модели финансового будущего мира. Перевод с англ. Анны Яковенко. М.: Карьера Пресс, 2015.
4. UNCTAD. World Investment Report 2020. URL: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2020>
5. Кузнецов А.В. Императивы трансформации мировой валютно-финансовой системы в условиях многополярности // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 2. С. 190–203.
6. Эйхенгрин Б. Глобальные дисбалансы и уроки Бреттон-Вудса. Пер. с англ. Е. Еловской; под науч. ред. Т. Дробышевской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
7. Звонова Е.А., Кузнецов А.В. Факторы интернационализации валют развивающихся стран в постковидной экономике // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 9. С. 88–97.

8. Коуз Р. Фирма, рынок, право. Пер. с англ. М.: «Дело ЛТД» при участии изд-ва «Catallaxy», 1993.
9. Финансы России в условиях социально-экономических трансформаций: монография // под ред. М. А. Эскиндарова, В. В. Масленникова. М.: Прометей, 2022.
10. Mazzucato M. A New Global Economic Consensus. Project Syndicate. 13 October 2021. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/cornwall-consensus-rebuilding-global-governance-by-mariana-mazzucato-2021-10?utm_source=Project%20Syndicate%20Newsletter&utm_campaign=aab7329410-sunday_newsletter_10_17_2021&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-aab7329410-107392438&mc_cid=aab7329410&mc_eid=e6e0564ab5&barrier=accesspaylog
11. Данилов Ю.А. Устойчивые финансы: новая теоретическая парадигма // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 9. С. 5–13.
12. Гарсиа-Масиа Д., Гойял Р. Раскол в цифровую эпоху // *Финансы и развитие*. 2021. № 1. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2021/03/pdf/garcia.pdf>
13. Department for International Trade. UK FinTech State of the Nation. April 2019. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/801277/UK-fintech-state-of-the-nation.pdf
14. TheCityUK. UK-US Financial Innovation: Digital Payments. July 2021. URL: <https://www.thecityuk.com/assets/2021/Reports/3e7b481136/UK-US-financial-innovation-digital-payments.pdf>
15. Звонова Е.А., Кузнецов А.В. Сценарии развития мировой валютно-финансовой системы: возможности и риски для России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 2. С. 5–16;
16. Крылова Л.В. Трансформации мировой валютно-финансовой системы в направлении полицентризма и регионализации // *Экономика. Налоги. Право*. 2021. № 5. С. 39–50.
17. Балюк И. А., Балюк М. А. Интернационализация валют развивающихся стран: проблемы и перспективы // *Экономика. Налоги. Право*. 2021. №5. С. 101–111.
18. Кузнецов А.В. Специальные права заимствования: нереализованный потенциал наднациональных денег // *Теоретическая экономика*. 2020. №9. С. 61–69.
19. Dyson B., Hodgson G., Van Lerven F. Sovereign Money: An Introduction. London: Positive Money, 2016. URL: <https://positivemoney.org/our-proposals/sovereign-money-introduction/>
20. Кузнецов А.В., Алексеев П.В. Кибербезопасность рубля в оцифрованном мире // *Проблемы теории и практики управления*. 2021. № 3. С. 6–18.
21. Масленников В.В., Ларионов А.В. Цифровые валюты: концептуализация рисков и возможности регулирования // *Мир новой экономики*. 2021.Т. 15. № 4. С. 16–28.
22. Кузнецов А.В. Цифровые валюты и суверенные риски // *Российский совет по международным делам*. 18 февраля 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovyye-valyuty-i-suverennyye-riski/>

Reorganization of the world monetary and financial system in the context of stabilizing the global economy

Kuznetsov Aleksei Vladimirovich

Doctor of Economics, Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

Annotation. The neoliberal model of debt-led growth has caused the imbalances and instability of the processes of financial globalization. The purpose of the article is to summarize the current problems of the development of the global economy and determine the direction of reorganization of the world monetary and financial system in order to stabilize international economic and financial relations. The features of the change of the global economic paradigm in the context of the confrontation between the «old» and «new» leaders of globalization are discussed. Based on a synthesis of approaches to the dynamics of global monetary regulation and regulation of national monetary systems, four scenarios for the long-term reorganization of the world monetary and financial system have been developed. It is concluded that the prospects for creating an alternative model of global development in the context of the formation of a new economic paradigm depend on the success of regional monetary and financial integration.

Keywords: world monetary and financial system; global economy; systemic crisis; new economic paradigm; sustainable development; FinTech; scenarios; regionalization